

Иванова Лилия Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Тюменского государственного университета,

Ivanova Liliya Viktorovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Law
Department, University of Tyumen,
e-mail: l.v.ivanova@utmn.ru

УДК 343.325

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Конституция Российской Федерации, с учетом поправок 2020 года, закрепляет принцип защиты суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. В настоящей статье анализируется уголовно-правовой механизм обеспечения территориальной целостности России, рассматриваются спорные моменты в ст. 280.1 и 280.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Установление административной преюдиции в составе публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, разная формулировка одного и того же квалифицирующего признака нарушает системность уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности. Применительно к составу нарушения территориальной целостности РФ рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с моментом окончания данного преступления, его субъектом, разграничением с противоправным изменением Государственной границы РФ. Делается вывод о необходимости разъяснений положений ст. 280.2 Уголовного кодекса РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: территориальная целостность, экстремизм, сепаратизм, публичные призывы, государственная граница

Annotation. The Constitution of the Russian Federation, considering the 2020 amendments, enshrines the principle of protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation. This article analyzes the criminal law mechanism for ensuring the territorial integrity of Russia, discusses controversial issues in Art. 280.1 and 280.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The administrative prejudice in corpus delicti of the public appeals for violation of territorial integrity of the Russian Federation, different formulations of the same

qualifying sign, violate the consistency of criminal law rules establishing responsibility for public appeals for extremist activity. Concerning the violation of territorial integrity of the Russian Federation, the controversial issues related to the end of this crime, its subject, the delimitation of the unlawful change of the Russian Federation State Border. The main conclusion is the necessity to clarify the provisions of Art. 280.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in the Plenary Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: territorial integrity, extremism, separatism, public appeals, state border

В июле 2020 года общероссийским голосованием были одобрены поправки в Конституцию РФ, одним из нововведений которых стала ч. 2.1 ст. 67, закрепившая обеспечение Российской Федерацией защиты своего суверенитета и территориальной целостности.

Традиционно уголовный закон охраняет наиболее важные общественные отношения. Суверенитет государства и его территориальная целостность являются неотъемлемыми составляющими и основой благополучия общества в целом, что обуславливает охрану территориальной целостности непосредственно средствами уголовного закона.

Нарушение территориальной целостности может выражаться в отделении части территории, при этом возможно создание нового государства, либо присоединение к другому существующему государству, может выражаться в распаде государства на несколько разных стран [5].

Указание в Конституции РФ на недопустимость действий, направленных на отчуждение части территории РФ, призывов к таким действиям обусловило необходимость в совершенствовании правового механизма защиты территориальной целостности РФ. И если в отношении публичных призывов к нарушению территориальной целостности была установлена уголовная ответственность, то в отношении действий, направленных на нарушение территориальной целостности, до недавнего времени не было установлено самостоятельной уголовной ответственности, хотя некоторые составы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) обеспечивали защиту территориальной целостности. Помимо отмеченной ст. 280.1 УК РФ, к таким составам относятся, в частности, ст. 279

и 323 УК РФ.

Необходимо отметить, что в декабре 2020 года были внесены изменения в ст. 280.1 УК РФ в части установления административной преюдиции. Однако данное новшество вызывает ряд вопросов. Прежде всего не дифференцирована ответственность лиц в ситуации совершения многократных публичных призывов к осуществлению действий по нарушению территориальной целостности, после привлечения лица к ответственности по данной статье, когда лица, имеющие судимость, находятся в привилегированном положении в сравнении с подвергнутыми административному наказанию [1].

Кроме этого, прослеживается несистемный подход законодателя. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности, являются экстремистской деятельностью и, соответственно, выступают специальной нормой по отношению к ст. 280 УК РФ. Однако для привлечения к уголовной ответственности по ст. 280 УК РФ не требуется сначала привлечения к административной ответственности, в связи с чем возникают вопросы, почему родственные составы сформулированы по-разному. Более того, если обратиться к квалифицирующему признаку, закрепленному во второй части каждой из названных статей, увидим, что в ч. 2 ст. 280.1 УК РФ наряду с информационно-телекоммуникационными сетями названы еще электронные сети, отсутствующие в аналогичном признаке ч. 2 ст. 280 УК РФ.

Дополнения Конституции РФ 2020 года повлекли включение в уголовный закон нового состава преступления, непосредственно обеспечивающего защиту территориальной целостности РФ (ст. 280.2 УК РФ). Объективная сторона данного преступления включает альтернативные действия – во-первых, отчуждение части территории РФ, во-вторых, иные действия, направленные на нарушение территориальной целостности РФ, за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Госграницы РФ. Следует обратить внимание, что «иные действия» употребляются во

множественном числе, однако представляется, что совершение и однократного такого действия образует состав преступления. Подобная трактовка будет согласовываться и с пониманием «публичных призывов» в соответствующих составах преступлений, при котором несмотря на множественное число, высказывание одного призыва образует состав преступления, о чем свидетельствует и судебная практика. При этом совершение нескольких действий по нарушению территориальной целостности должно квалифицироваться как единое преступление по ст. 280.2 УК РФ, исходя из единства умысла.

Законодатель указывает на обязательное отсутствие признаков преступлений, предусмотренных статьями 278, 279 и 280.1 УК РФ. На первый взгляд может показаться, что указание на ст. 278 УК РФ в данном перечне является излишним, т.к. в диспозиции данной нормы отсутствуют положения о нарушении территориальной целостности [2]. Однако если рассматривать во взаимосвязи ч. 3 ст. 4 и ч. 1 ст. 16 Конституции РФ, можно утверждать, что целостность и неприкосновенность территории РФ являются составляющими основ конституционного строя РФ и, соответственно, действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя РФ, могут включать в себя насильственное изменение территориального устройства государства. Поэтому указание на ст. 278 УК РФ является обоснованным и ст. 280.2 УК РФ выступает в отношении нее специальной нормой. Но если наряду с совершением действий по отчуждению части территории, лицо совершает иные деяния, например, насильственно удерживает власть, содеянное должно образовывать совокупность преступлений. Таким же образом (как совокупность преступлений) следует оценивать и ситуации, когда лицо не ограничилось публичными призывами, например, к выходу какого-либо субъекта из состава РФ (ст. 280.1 УК РФ), а предпринимает также и конкретные действия по осуществлению задуманного (ст. 280.2 УК РФ).

В целом положительно оценивая внесенные изменения с точки зрения необходимости противодействия подобным экстремистским проявлениям,

отметим отдельные спорные моменты, которые возникают при детальном анализе ст. 280.2 УК РФ.

Во-первых, требует уточнения момент окончания преступления. Исходя из формулировки объективной стороны, представляется, что применительно к отчуждению части территории можно вести речь о формальном составе преступления, оконченным с момента отчуждения части территории, а в части совершения действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, состав можно рассматривать как усеченный, оконченный с начала совершения любых действий, направленных на отчуждение территории, независимо от того, успешны ли были эти действия. Главное различие между формальными и усеченными составами преступления заключается в том, что на преступления с усеченным составом не может быть покушения [3].

Во-вторых, учитывая, что ст. 280.2 УК РФ не раскрывает характер действий по нарушению территориальной целостности, возникает вопрос, будет ли состав преступления охватывать только насильственные действия, связанные с физическим или психическим принуждением к решению вопроса о территориальном отделении, или будет охватывать также и ненасильственные действия, например, сбор подписей, организация референдума и т.п. Как отмечается, защита территориальной целостности может вступать в некоторое противоречие с принципом самоопределения народов [6].

В-третьих, возникает вопрос о субъекте данного преступления: общий или специальный? Представляется, что субъект общий – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, независимо от занимаемой должности. Главное, что данное лицо выполняет действия, образующие состав данного преступления. Субъектом преступления может быть и должностное лицо, «подарившее» какую-то часть государства другой стране.

В-четвертых, важным представляется разграничение ст. 280.2 УК РФ и ст. 323 УК РФ. Как отмечалось, законодатель указывает на обязательное

отсутствие признаков преступлений, предусмотренных статьями 278, 279 и 280.1 УК РФ. Ст. 323 УК РФ в данном перечне отсутствует, в связи с чем возникает вопрос о соотношении данных составов преступлений.

Примечательно, что в Официальном отзыве Верховного Суда РФ на законопроект указывалось на целесообразность дополнения диспозиции ст. 280.2 УК РФ указанием на отсутствие в деянии признаков преступления, предусмотренного ст. 323 УК РФ. Но предложение не было воспринято.

Попробуем провести разграничение данных преступлений.

Ст. 280.2 УК РФ и ст. 323 УК РФ расположены в разных главах. Соответственно, видовым объектом в одном случае выступают общественные отношения, обеспечивающие конституционный строй и безопасность государства, а в другом – общественные отношения, обеспечивающие порядок управления. Общественные отношения, обеспечивающие территориальную целостность РФ, образуют непосредственный объект преступления по ст. 280.2 УК РФ. А общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность госграницы, составляют непосредственный объект преступления по ст. 323 УК РФ. Отдельными исследователями объект данного преступления определяется как часть территории, на которую осуществляется посягательство [7].

Различия проявляются и в содержании объективной стороны, исходя из тех деяний, которые названы в уголовном законе. Отчуждение части территории РФ или совершение иных действий, направленных на нарушение территориальной целостности, образует состав ст. 280.2 УК РФ. Объективная сторона по ст. 323 УК РФ включает в себя действия с пограничными знаками: изъятие, перемещение, уничтожение, которое совершается самовольно, в нарушение установленных правил. Другими словами, «юридически» территория осталась целой, изменилось лишь внешнее обозначение границ. Состав преступления, предусмотренного ст. 280.2 УК РФ, будет в случае, например, самовольного провозглашения части территории РФ независимым государством или частью другого государства, подписание соглашений с

другим государством на вхождение части территории РФ в состав другого государства и т.п., когда «юридически» меняется территориальная принадлежность.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 280.2 УК РФ, включает прямой умысел. Законодатель в норме не говорит о цели, вместе с тем, некоторыми исследователями отмечается на обязательность наличия цели нарушения территориальной целостности, разрушения территориального единства [4]. Хотя эта цель вытекает из характера совершаемых действий. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 323 УК РФ, включает обязательное наличие цели, непосредственно указанной в статье – противоправное изменение Государственной границы РФ.

Представляется, что совершение действий, направленных на нарушение территориальной целостности, и незаконное перемещение пограничных знаков в целях изменения госграницы РФ, обуславливает квалификацию содеянного по совокупности преступлений.

В заключение необходимо отметить, что для эффективного применения данной нормы требуются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по обозначенным спорным моментам, которые можно отразить в действующем Постановлении, посвященном преступлениям экстремистской направленности.

Список литературы

1. Батютина Т.Ю., Сизо З.М. Новеллы российского законодательства в области противодействия экстремистской деятельности // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. Краснодар, 2021. С. 556.
2. Ермакова О.В. Составы нарушения территориальной целостности РФ: недостатки конструкций // Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат: международный сборник научных статей / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. С. 52.
3. Иванова Л.В. Практикум по квалификации преступлений: учебное пособие и практикум. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. С. 31
4. Лачина Е.А., Лачин А.А., Кашин М.С. К вопросу об установлении ответственности

за нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Ученые записки. 2021. № 1. С. 121.

5. Остроухов Н.В. Проблема определения территориальной целостности государств // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 167.

6. Савченко А.А., Сысоев Д.В. Обеспечение реализации принципа самоопределения народов и наций в контексте не нарушения принципа территориальной целостности // Вестник Донецкого национального университета. Серия: Юридические наук. 2020. № 4. С. 50 – 58.

7. Щербак С.И. Нарушение территориальной целостности Российской Федерации посредством противоправного изменения Государственной границы Российской Федерации, как проявление экстремизма // Военное право. 2020. № 5. С. 181.